

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

СЕРИЯ 2 · ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ

В номере

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

Выявление тенденций развития науки и техники путем анализа документальных массивов. И. В. Маршакова	1
Модели поведения при свободной классификации слов. Р. М. Фрумкина, А. В. Михеев	6

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОИСК

О проблеме представления информационных объектов фреймами. В. Э. Вольфенгаген, Л. Т. Кузин, В. Т. Олейников	12

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

О некоторых закономерностях использования архивных фондов государственного архивного фонда СССР. А. Ю. Вайнтроб, Н. И. Стяжкин	18
М. Ш. Цаленко, Э. Г. Чумаченко	18
Построение описания темы на массиве документов. М. В. Белянина, Э. И. Бухалева, И. А. Зайденман	21

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный). Е. В. Рахилина	24

1982

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

УДК 801

ОТНОШЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (дательный посессивный)

Е. В. Рахилина

Отношение принадлежности входит в число основных семантических отношений, описание которых представляет собой важную и актуальную задачу в кругу проблем, связанных с построением лингвистических процессоров и, шире, моделей лингвистического обеспечения информационных систем.

В данной работе анализируется один из способов выражения отношения принадлежности в современном русском языке.

Основой семантико-синтаксического раздела глагольной словарной статьи традиционно считаются толкование глагола и сведения о его управлении. Толковые словари русского языка обычно руководствуются следующим положением: в словаре отражается информация только о необходимых участниках ситуации, описываемой глаголом, т. е. о его семантических актантах. Иными словами, считается, что способ поверхностного оформления определяется семантико-синтаксическими свойствами глагола лишь для его семантических актантов, тогда как информация о необязательных участниках ситуации и о способе их поверхностного оформления не указывается; по-видимому, предполагается, что она не зависит от данного глагола, а может быть описана отдельно, например, в грамматике.

Так, глаголу *резать* в работе [1] сопоставлено следующее толкование:

X режет Y=X каузирует то, что предмет *Z*, имеющий острый край, деформирует физическое тело или неаморфное вещество *Y*, двигаясь по *Y* или давя на *Y* своим острым краем (и, возможно, деля на части *W*).

В этом толковании выделяются семантические актанты глагола *резать* — обязательные участники ситуации; они обозначены переменными *X*, *Y*, *Z*, *W*. Но реальные ситуации, которые описывает этот глагол, помимо обязательных, могут иметь и других участников; ср. *Моя сестра режет овощи на доске*, где *сестра* и *овощи* заполняют семантические валентности глагола *резать* (соответственно, *X* и *Y* в приведенном выше толковании), а *я* и *доска* не являются обязательными участниками и в толкование глагола не входят. Для глагола *резать* способ поверхностного выражения этих участников ситуации не признается словарной информацией.

Но верно ли, что для любого глагола поверхностное оформление любого факультативного участника ситуации никак не зависит от семантико-синтаксических свойств этого глагола? Насколько нам известно, специальных исследований по этому вопросу не проводилось.

Цель настоящей работы* — показать, что способ оформления факультативного участника ситуации может зависеть от глагольной лексемы. Эта задача будет решаться на примере одного из факультативных участников ситуации — посессора глагольного актента. Мы покажем, что способ его поверхностного оформления, в частности, оформление его беспредложным дательным падежом, зависит от характеристики глагольной лексемы и, следовательно, должен указываться в словаре.

1. ДАТЕЛЬНЫЙ ПОСЕССИВНЫЙ ПАДЕЖ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ

Общеизвестно, что посессивное отношение в русском языке может передаваться конструкцией с дательным падежом без предлога; ср.:

Нашему самовару двоюродный подсвечник;

Покой льется ему в душу;

Я своему слову хозяин;

Память мне начисто отшибло;

Я ему все кости переломаю и т. д.

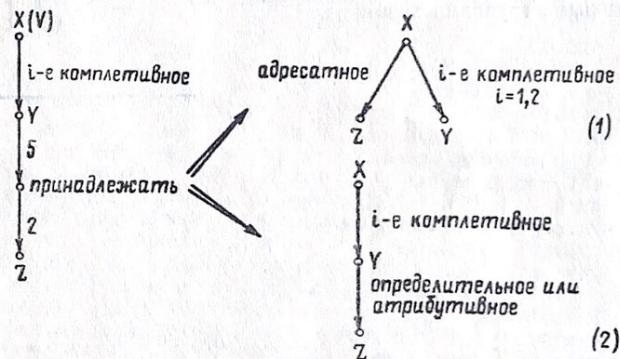
Как правило, для таких предложений существуют синтаксические варианты с генитивом или притяжательным местоимением, которые являются обычным способом выражения посессивного отношения в русском языке:

Нашего самовара двоюродный подсвечник;

Я своего слова хозяин;

Память мою начисто отшибло.

В терминах многоуровневых моделей языка перед нами две поверхностные реализации одного глубинно-синтаксического представления:

* Настоящая работа выполнена под руководством А. К. Поливановой, неоднократные беседы с которой во многом способствовали появлению этого текста. Рукопись статьи была прочитана И. М. Богуславским, Г. Е. Крейдинным и Е. В. Падучевой, которые сделали много ценных замечаний.

Однако запись перехода от глубинно-сintаксического представления (ГСП) к поверхностно-сintаксическому представлению (ПСП) в таком виде не вполне корректна. Действительно, рассмотрим предложения *Я пришла пуговицы к Петиной шубе* и *Я пришила Петe пуговицы к шубе*. Они не синонимичны. Семантическую разницу между ними можно, с нашей точки зрения, описать следующим образом: во втором случае Петя заинтересован в производящемся действии, тогда как в первом предложении Петино отношение к происходящему никакими языковыми средствами явно не выражено. Иными словами смысл фразы *Я пришила Петe пуговицы к шубе* отличается от смысла фразы *Я пришила пуговицы к Петиной шубе на элемент* заинтересованность (со стороны Пети). Этот элемент связан с семантикой дательного посессивного* (далее везде ДП). Сравним еще несколько пар предложений:

Он нянчил моих детей (заинтересованность не выражена языковыми средствами);

Он нянчил мне детей ('моих детей' + 'для меня').

Я повесил над ее кроватью коврик (неясно, была ли она заинтересована в этом);

Я повесил ей над кроватью коврик ('над ее кроватью' + 'для нее').

Заметим, что заинтересованность бывает и, так сказать, «отрицательная», например:

*Мне пробило градом большую дыру в крыше;
Я тебе все кости переломаю;
Вам отрежут голову.*

В некоторых случаях не представляется возможным определить, какое именно значение приобретает признак 'заинтересованность', положительное или отрицательное. При этом ясно, что более широкий контекст позволил бы выбрать одно определенное значение признака, ср.:

Усы... Как изменили они вам лицо... (в худшую или лучшую сторону?)

Он отвинтил мне кран (испортил его или починил?). Отсюда следует, что синонимический переход от ГСП к ПСП с введением адресатного отношения возможен только в том случае, если в глубинной структуре предложения уже был элемент^{*}заинтересованность (со стороны посессора актанта)**.

Этот запрет на синтез поверхностной структуры с ДП, однако, не единственный. Например, нужно еще объяснить, почему в русском языке невозможны предложения типа **Машине едет нам слишком быстро со знанием 'Наша машина едет для нас слишком быстро'*.

Вернемся снова к правилу перехода от ГСП к ПСП, в результате которого вводится ДП,— к правилу (1).

Условия применения этого правила зависят от значений варьирующихся параметров левой части, причем аргументы могут зависеть от любого из них:

- 1) от лексического заполнения *Z*;
- 2) от лексического заполнения *Y*;
- 3) от характера поверхностно-сintаксического отношения *i*;
- 4) от лексического заполнения *X*.

* Элемент 'заинтересованность' нужно, по-видимому, связывать с семантикой адресатного отношения вообще. Ср. определение

адресатного отношения в [2]: «*Y—X*—*X*—актант, (пассивно) заинтересованный в *Y*-ке», *Y* совершается в пользу, ради *X*-а». Так, легко заметить заинтересованность со стороны актанта, связанного с глаголом адресатным отношением, в следующих предложениях, не содержащих ДП: *Он сказал мне доброе слово; Он достал мне лождей*.

** Мы не беремся здесь решать вопросы, связанные с исходным представлением признака 'заинтересованность', например, решать, содержит ли он в семантическом представлении предложения или в глубинно-сintаксической структуре.

Так, одно из ограничений на применение этого правила касается отношения *i*; согласно правилу, *i* может принимать значение первого или второго комплетивного отношения. Отсюда, в частности, следует, что в русском языке ДП невозможен при одновалентных глаголах, ср.:

* *Кукла спит Маше* (ср. *Машина кукла спит*);

* *Рубашка сохнет папе* (ср. *Папина рубашка сохнет*) *.

Заметим, что в других языках, которые используют конструкции с ДП, такое ограничение может не иметь места. Например, в чешском вполне допустимы предложения типа

Tváře ji hořely 'Ее (букв. 'ей') щеки горели';

Zamaraly se mi šaty 'У меня (букв. 'мне') платье зачкалось'.

Ср. также польские примеры:

Jancwi złamał się ząb 'У Яна (букв. 'Яну') сломался зуб';

Włosy mu się krecą 'Волосы у него (букв. 'ему') вьются'.

То же для французского и немецкого:

Le visage lui reluisait 'Лицо у него (букв. 'ему') светилось';

Die Augen leuchteten ihm 'Глаза у него (букв. 'ему') светились'.

Интересно, что в древнерусском языке, в отличие от современного русского, ДП также мог употребляться при одновалентном глаголе, ср.:

У ково пороса пропало, тому в ушахъ визжить;

Ленивому болить в хребте;

*Нача еи чрево расти и т. д. ***

Другое ограничение связано с лексическим заполнением переменной *Z*: имя, подставляемое на место *Z*, может быть только одушевленным, ср.:

* *Сломать двери замок*;

* *Отрезать пирогу кусок и т. п.*

Предложения с ДП оказываются допустимыми, если происходит окказиональный переход существительного в категорию семантически одушевленных:

Это он моему «Запорожцу» стекло разбил!

Оторвали мишике лапу.

Это ограничение связано с отмеченной выше заинтересованностью адресата *Z* в совершаемом действии *V*. Неодушевленный (точнее, непэрсонифицированный) предмет не способен быть в чем-либо заинтересованным или незаинтересованным***. Подобное ограничение на употребление ДП действует и в немецком языке, ср. пример из работы [4]:

* *Der Katze leuchteten die Augen* 'Кошке светятся глаза'.

2. МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ ДП

Вернемся к нашей задаче. Напомним, что из всех возможных случаев запрета на употребление ДП особый интерес представляют для нас те ограничения, которые связаны со значением переменной *X*, т. е. с лексическим заполнением места глагола. Но запрет на применение правила может, как мы видели, быть вызван и значениями других переменных. Отсюда вытекает,

* Предложениям с одновалентным глаголом *быть*, таким как *Будет тебе дальняя дорога, Будет тебе белка, будет и свисток*, с нашей точки зрения, должна быть присказана иная глубинная структура.

** Чешские примеры цитируются по [3], польские, французские и немецкие — по [4], древнерусские — по [5 и 6].

*** Ср. [7]: «Носителем дательного адресата выступают, по большей части, одушевленные существа, и в этом случае дательный оказывается в наибольшей степени противопоставленным винительному, обозначающему неодушевленный предмет».

что необходимо исследовать возможности лексического заполнения переменной X в таких условиях, чтобы изменение значений остальных параметров не влияло на результат. Наиболее простое решение — задать постоянные значения Z , Y и i , т. е., по существу, выбрать определенный контекст для глагола. Подстановка глагола в этот контекст давала бы грамматически правильные предложения, если при данном глаголе возможен ДП, и грамматически неправильные, если ДП не возможен. При этом значения переменных Z , Y и i должны быть зафиксированы таким образом, чтобы существовали глаголы, подстановка которых в полученный контекст допускала бы введение ДП. Действительно, если бы мы, например, в качестве значения переменной Z выбрали синтаксически неодушевленное имя, то при подстановке любого глагола в такой «неблагоприятный» контекст переход к поверхностной структуре с введением ДП запрещен (см. выше). Тем самым, мы будем лишены возможности проследить влияние семантико-синтаксических свойств глагола на условия применения нашего правила.

Выбор контекста.

Прежде всего для простоты зафиксируем постоянное подлежащее при глаголе X . Пусть это будет лексема *Петя*.

Далее выберем значения для Z , Y и i . Для переменной Z — два значения:

- имя, кореферентное подлежащему предложению (в этом случае происходит обязательная замена Z на рефлексивное местоимение *(себя)*;
- имя, некореферентное подлежащему (лексема *он*). Для переменной Y — лексема, имеющая обязательную посессивную валентность* (для определенности берется лексема *рука*). Для отношения i — частный случай первого комплективного отношения — прямой объект при переходном глаголе. При более чем двухвалентном глаголе должны заполняться также третья, четвертая и т. д. валентности (их заполнение произвольно).

Для каждого переходного глагола, допускающего в качестве прямого объекта лексему *рука*, подстановка в полученные контексты *Петя V₁x₂... ему руку*** и *Петя V₁x₂... себе руку* даст ответ на вопрос, возможен ли ДП при этом глаголе. В случае, если предложение, полученное в результате подстановки, грамматически правильно, ДП при глаголе допускается, если же полученное предложение грамматически неправильно, то это значит, что семантико-синтаксические свойства глагола накладывают запрет на применение правила введения ДП. Действительно, во-первых грамматически неправильными будут предложения, полученные в результате подстановки в указанные контексты глаголов, которые не допускают оформления дательным падежом никакого из участников соответствующей ситуации — таков, например, глагол *видеть* (см. ниже). Очевидно, что при таких глаголах невозможен и дательный посессивный. Во-вторых, грамматически неправильными будут предложения, полученные в результате подстановки в наши контексты глаголов, которые хотя и допускают при себе существительное в дательном падеже, но не такое, которое выражает посессивное отношение. Последнее обстоятельство связано с тем, что мы исследуем способ выражения посессора актанта, имеющего обязательную посессивную валентность. В результате используемые контексты позволяют отличить ДП от других случаев употребления дательного беспредложного.

* Такой выбор значения Y поможет нам, как будет показано ниже, сделать наш контрольный контекст более диагностирующим.

** Где $x_1x_2\dots$ — заполнители, соответственно, третьей, четвертой и т. д. валентностей более чем двухвалентного глагола.

На свойствах лексем с обязательной посессивной валентностью (к ним прежде всего относят названия частей тела и имена родства) остановимся подробнее. Приспособление этим лексемам обязательной валентности есть, по существу, способ формализации понятия так называемой неотторжимой принадлежности*. Это понятие обычно используется при описании языков, в которых оппозиция по признаку отторжимости — неотторжимости грамматикализована, например, существует специальный морфологический показатель, маркирующий значение неотторжимой принадлежности, которое обычно свойственно названиям частей тела, именам родства и т. д.**.

На синтаксическом уровне неотторжимая принадлежность выступает как свойство существительного иметь синтаксический актант со значением посессора. Так, существительные *брат* и *дуб* различаются тем, что первое отсылает нас к именной группе, которая связана с ним посессивным отношением (*брат маленького мальчика, брат отца, мой брат*) и, как правило, всегда определена, а при существительном *дуб* невыраженность посессора означает либо его отсутствие (*дуб никому не принадлежит*), либо его неопределенность. Именно поэтому в венгерском языке различаются формы *lány* 'дочь' и *lány* 'девушка', где суффикс *-a* — морфологический показатель принадлежности.

В английском языке, где нет грамматической категории принадлежности, но есть противопоставление по определенности — неопределенности, выражаемое артиклем, сочетание типа *a brother* практически невозможно, а возможно только *a brother of smb* 'один из братьев кого-либо' с обязательной экспликацией посессора***.

В русском языке, где нет ни артиклей, ни морфологической категории принадлежности, имена неотторжимой принадлежности обладают тем свойством, что невыраженность при них посессора подразумевает обязательную кореферентность его одному из участников ситуации.

Замечание. О кореферентных опущениях посессора в русском языке. Как уже было отмечено, при именах со значением неотторжимой принадлежности, невыраженность посессора означает, что он кореферентен какому-либо участнику ситуации (в частном случае, когда вся ситуация описывается одним предложением, некоторому члену этого предложения). Однако неясно, любому ли участнику ситуации может быть кореферентен опущенный посессор. В качестве ответа на этот вопрос следовало бы указать правила, по которым происходит кореферентное опущение посессора в русском языке. Не претендую на сколько-нибудь полное описание случаев опущения посессора, ограничимся некоторыми замечаниями, которые возникли у нас при исследовании предложений с поверхностью не выраженным обязательным посессором.****

1. В произвольном предложении, содержащем более одного участника ситуации, опущенный посессор мог бы, вообще говоря, восстанавливаться столькими способами, сколько участников имеет данная ситуация (как кореферентный каждому из них). Между тем, например, предложение *Брат подошел к Петя* понимается однозначно: 'Мой брат подошел к Петя', а не 'Петин брат подошел к Петя'. То есть, посессор при *брать* может быть

* О понятии неотторжимой принадлежности см. [4, 8].

** Такая грамматикализация имеет место, например, в некоторых тунгусо-манчжурских языках. Так, в эвенкийском языке различаются две формы лексемы *дили* 'голова' — *дили* и *дилини*, из которых первая означает 'моя собственная голова', а вторая — 'моя голова' (но не моя собственная, а, например, голова принадлежащего мне убитого зверя) [9]. Подобные примеры из других языков приводятся в [8].

*** В английском языке вообще практически не допускается опущение посессора (даже кореферентное) при подобных лексемах. Обычные сочетания: *my brother, his brother* или *Peter's brother*. Именная группа *the brother* встречается гораздо реже.

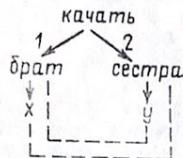
**** Все предложения, приводимые в работе в качестве примеров, рассматриваются как изолированные, сами по себе описывающие соответствующую ситуацию. Отдельная задача — исследование кореферентных опущений в тексте, когда лексема, кореферентная посессору, может находиться в другом предложении, ср.: *Неподвижный, он стоял на морском берегу. Поникшая голова выражала крайнее уныние.*

кореферентен только говорящему, а не просто произвольному участнику ситуации; и, следовательно, опущение посессора в русском языке производится по некоторым специальным правилам.

2. Анализ предложений с опущенным обязательным посессором существенно опирается на их актуальное членение. Так в предложениях (1) [Брат]Т [увидел Петя]^R (где лексема *брат* входит в тему предложения) и (2) [Петя]^T [увидел брата]^R (где та же лексема входит в рему) будет, по-видимому, восстанавливаться разный посессор:

1—'Моего брата увидел Петя'—посессор кореферентен говорящему,
2—'Петя увидел своего брата'—посессор кореферентен подлежащему.

3. В некоторых случаях в русском языке невозможно заполнение валентности при именах с обязательным посессором. Например, в случае явно или неявно выраженного квантора при именной группе: *Отец должен быть строг*=*'Отец всякого человека должен быть строг'*. Или в ситуациях взаимного согласования валентностей ср.: *Брат сестру качает* —

4. Если предложение содержит имя в дательном падеже, которое не заполняет обязательной валентности глагола, то невыраженный посессор при имени родства или части тела восстанавливается как кореферентный участник ситуации, называемому этим именем.

Ср.: *Петя пожал ему руку (=его руки)*

Она накормила ему детей (=его детей).

5. В заключение отметим, что описанные синтаксические особенности сближают имена неотторжимой принадлежности с одновалентными отредактивными именами типа *жизнь (жизнь X-a)*, *болезнь (болезнь X-a)* и т. д. По-видимому, кореферентное опущение актанта при последних подчиняется похожим правилам.

Ср.: *Его измучила болезнь* (невыраженность актанта означает его кореферентность субъекту).

Итак, при подстановке глагола в контекст, содержащий лексему *рука* с невыраженным посессором и лексему, оформленную дательным беспреложным (*ему* или *себе*), посессор должен быть кореферентен этой лексеме, или, что то же самое, дательный падеж должен выражать посессивное отношение (ср. пункт 4 Замечания). В том случае, если при глаголе невозможно выражение посессивного отношения дательным падежом, подстановка такого глагола в наши контексты даст грамматически неправильные предложения. Подстановка глаголов в выбранные контексты действительно позволяет выделить глаголы, допускающие и не допускающие ДП. Заметим, что в связи с ограничениями,ложенными на контекст, нам придется рассматривать лишь те глаголы, которые допускают лексему *рука* в качестве прямого объекта**. Однако для решения поставленной задачи нам достаточно выделить хотя бы некоторые глаголы или некоторые группы глаголов, семантико-сintаксические свойства которых определяли бы запрет на ДП.

* Таким образом, это еще одно доказательство известного положения о том, что говорящий должен признаваться полностью (хотя и не обязательно выраженным) участником ситуации, описываемой данным предложением [11—13].

** Следует заметить, что решение вопроса о допустимости при глаголе лексемы *рука* в качестве прямого объекта иногда достаточно произвольно. В самом деле, полагая, что сочетание *обвинить руку* семантически аномально, мы апеллируем к понятию семантической правильности, которое, как известно, не вполне строго: даже классический пример семантически неправильной фразы *Зеленые идеи яростно спят* может оказаться семантически правильным при подстановке в надлежащий контекст [11, 14—16]. Однако та степень произвольности выбора глаголов, которая обязательно должна быть в подобном исследовании, не будет в нашем случае влиять на его конечный результат: объем материала для нас не столь существенен.

Нами было проанализировано 265 глаголов.* Сюда вошли и такие глаголы, которые, запрещая лексему *рука* в качестве прямого объекта, допускают заполнение этого места лексемой, называющей другую часть тела (например, *зажмурить* — только глаза, *скривить* — только губы и т. д.). При этом контекст *Петя V₁, V₂, ..., ему/себе руку* считался равнозначным контекстам типа: *Петя V₁, V₂, ..., ему/себе ногу (уши, губы)* и т. д.**

Результаты анализа этих глаголов показали, что по признаку допустимости/недопустимости ДП глаголы разбиваются на два непересекающихся класса, причем преобладающее большинство глаголов допускают ДП, т. е. образуют грамматически правильные предложения при подстановке в оба варианта контрольного контекста. Возникает вопрос, чем объясняется запрет на ДП для остальной части глаголов. Видимо, невозможность ДП определяется семантико-сintаксическими свойствами глагола. Оказывается, что глаголы, не допускающие ДП, делятся на четыре семантические группы:

- а) психической каузации;
- б) адресации;
- в) восприятия;
- г) приобретения.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ, НЕ ДОПУСКАЮЩИХ ДП

Глаголы психической каузации

Среди глаголов, допускающих ДП, имеются такие, при которых невозможна кореферентность посессора подлежащему, например, *пожать руку* (только чужую): **пожал себе/свою руку*. Естественно, что при подстановке таких глаголов в контекст с рефлексивным местоимением *себя*, мы будем получать грамматически неправильные предложения, но не потому, что глаголы не допускают ДП, а только вследствие запрета на кореферентность. Это легко доказывается подстановкой таких глаголов в другой вариант контекста, без кореферентности. В этом случае мы получаем грамматически правильные предложения, ср. *Петя пожал ему руку*.

Иначе ведут себя глаголы, требующие обязательной кореферентности посессора подлежащему: *зажмурить глаза* (только 'свои'), *кривить губы* (только 'свои'), *напрячь мышцы* (только 'свои') и т. д. Как и следовало ожидать, такие глаголы дают грамматически неправильные предложения при подстановке в контекст с некореферентным подлежащим дативом: **Петя зажмурил ему глаза*. Но и подстановка их в контекст с рефлексивным местоимением не дает грамматически правильных предложений: **Петя зажмурил себе глаза*. Следовательно, глаголы с обязательной кореферентностью посессора подлежащему не допускают ДП. Остановимся подробнее на свойствах этих глаголов.

Глаголы *зажмурить*, *скривить*, *напрячь* и т. п. являются каузативными, т. е. толкование каждого из них имеет следующую структуру: 'Х есть причина того, что V, где V — каузируемая ситуация (например, 'глаза закрыты', 'мышцы рук напряжены' и т. п.).

Замечателен способ, которым вызывается ситуация V, другими словами, тип каузации этих глаголов. Мы называли бы его *психическим*, так как ситуация V (в каждом случае — движение определенных частей тела) возникает как следствие передачи мозгом нервных импульсов, соответственно, мышцам глаз, губ и т. п. Как видим, из самой «физиологической» природы этой каузации следует обязательная кореферентность посессора подлежащему.

* Список составлялся по словарю [17].

** Ср., однако, сноску на с. 338.

Для сравнения рассмотрим глагол *разрезать* (*Петя разрезал руку*). Он также каузативный. Но причиной каузируемой ситуации (*рука разрезана*) в этом случае является то, что рука подвергается механическому воздействию острого предмета. Такой тип каузации мы будем называть *механическим*. Глаголами механической каузации являются также: *мять, царапать, ломать, мыть, тереть* и многие другие.

Каузативные глаголы *поднять, закрыть, сжать, окунуть* и некоторые другие могут выражать каузацию как психического, так и механического типа, ср.: *закрыть глаза, опустив веки* — психическая каузация; *закрыть глаза руками* — механическая каузация; *сжать руку в кулак* — психический тип каузации, но *Петя так сильно сжал ему руку, что он вскрикнул* — механическая каузация; *поднять руку на уроке, вызываясь отвечать* — психическая каузация, но: *Поднимите мне веник!* — механическая каузация.

Из приведенных примеров видно, что природа механической каузации не накладывает ограничений на посессора: допускается посессор как кореферентный субъекту, так и не кореферентный. Следовательно, глаголы механической каузации могут быть подставлены в оба варианта контекста — с рефлексивным местоимением и без него. В обоих случаях мы будем получать грамматически правильные цепочки, ср.: *царапать ему/себе руку, сломать ему/себе руку* и т. д. Иными словами, глаголы механической каузации, в отличие от глаголов психической каузации, допускают ДП.

Интересны в этом отношении глаголы, способные описывать ситуации как психической, так и механической каузации — *поднять, закрыть* и др. Они допускают ДП только в случае механической каузации. Так, предложение *Она закрыла себе глаза* правильно лишь в том случае, если действие производилось механически, например, руками; то же для *нагнуть себе голову, согнуть себе руку* и проч.* Таким образом, два рассматриваемых типа каузации поверхности различаются в русском языке: от типа каузации зависит оформление одного из участников ситуации — посессора актанта глагола**. Правило, которому подчиняется в этом случае

* На с. 27 отмечалось, что в ряде случаев мы расширяли материал, привлекая глаголы, запрещающие в качестве прямого объекта лексему *рука*, но допускающие заполнение места прямого объекта лексемой, обозначающей другую часть тела (*нога, голова* и т. д.). При этом в контролльном контексте для таких глаголов лексему *рука* мы меняли на допустимую, предполагая, что такая замена даст нам, в общем, равнозначный контекст для проверки на возможность ДП. Однако оказалось, что иногда способ заполнения объективного места существенен. В частности, тип каузации — психический или механический — определяется в некоторых случаях не одним глаголом, а парой: *глагол+объект воздействия*, так что при одном заполнении объективного места возможна лишь каузация психического типа, а при другом — только механическая каузация, например: *Раскрыть (себе) рот—оба* *Раскрыть (*себе) глаза* — типа каузации возможны

Сжать (себе) виски — только механическая каузация *Убрать (себе) волосы со лба* — механическая каузация *Сжать (*себе) зубы* — только психическая каузация *Убрать (*себе) ладони со лба* — психическая каузация.

** Такое противопоставление типов каузации типологически естественно. В [4] приводятся примеры, демонстрирующие то же противопоставление типов каузации в некоторых других индоевропейских языках.

Французский: *Pierre a levé sa/la tête* — 'Петя поднял голову' (психическая каузация)

Pierre s'est levé la/sa tête (avec les mains) — 'Петя поднял голову' (руками) (механическая каузация)

Испанский: *Pedro abrió los ojos* — 'Петро открыл глаза' (психическая каузация),

Pedro se abrió los ojos (con las manos) — 'Петро открыл глаза руками' (механическая каузация)

Итальянский: *Pietro aprì gli occhi* — 'Петро открыл глаза' (психическая каузация)

Pietro si è aperte gli occhi (con le mani) — 'Петро открыл глаза (руками)' (механическая каузация)

оформление посессора, таково: при глаголах психической каузации запрещается ДП, при глаголах механической каузации — допускается.

Попытается ответить на вопрос, почему возникают ограничения на ДП, т. е. почему нельзя сказать: **поднял себе руку*, при том, что можно грамматически правильно, хотя и стилистически неудачно в силу избыточности: *поднял свою руку*. По-видимому, запрет на оформление посессора дательным падежом при глаголах психической каузации следует связывать с природой дательного падежа, или, точнее, выражаемого им адресатного отношения. Как мы говорили выше, адресат характеризуется, прежде всего, как участник ситуации, заинтересованный в ее результате, т. е. введение адресата в ситуацию означает введение участника, заинтересованного в производящемся действии. В случае психической каузации заинтересованность субъекта, по-видимому, мало естественна.

Глаголы адресации

К глаголам адресации относятся: показать, подать, протянуть и т. п. При подстановке в контролльный контекст (*Петя V x₁x₂ — ему/себе руку*) необходимо заполнение всех сильных валентностей глагола, в данном случае — адресатной. Имя, заполняющее эту валентность, кодируется дательным беспредложным: *показать кому-либо, подать кому-либо*. Следовательно, в полученном предложении будет два беспредложных датива, ср. **Петя подал Васе себе руку*. Но в русском языке действует запрет на такого рода конструкции. При глаголе разрешается только один адресат, а именно глубинный, т. е. заполняющий сильную адресатную валентность глагола. Заметим, что этот глубинный адресат никогда не бывает кореферентным опущенному обязательному посессору актанта. В таких предложениях посессор кореферентен подлежащему или говорящему: *Петя подал мне руку* ≠ **Петя подал мне мою руку*, но = *Петя подал мне свою руку*. Ср. глагол *пожать*, не имеющий сильной валентности адресата: *Петя пожал мне (= 'мою') руку*.

Глаголы восприятия

Глаголы восприятия — *видеть, рассмотреть, изучить, (по)любить, (за)помнить, забыть* — также дают грамматически неправильные предложения при подстановке в контролльные контексты: **Петя увидел ему руку*, **Петя рассмотрел ему руку* и т. д.

Заметим, что первый актант этих глаголов — глубинный адресат*, поверхности оформляющийся номинативом. Видимо, следует объединить глаголы адресации и глаголы восприятия в одну группу — группу глаголов, содержащих адресат в глубинной структуре, — и ввести правило, запрещающее ДП при таких глаголах.

Глаголы приобретения

Рассмотрим следующую группу глаголов — глаголы приобретения: *украсть, купить, взять, найти*. Те из них, которые допускают в качестве прямого объекта лексему *рука*, при подстановке в контролльные контексты дают, как и глаголы предыдущих групп, грамматически неправильные предложения. Однако, в отличие от ранее рассмотренных глаголов, при глаголах приобретения возможен факультативный дательный: *купил (мне) сапоги*.

Обратим внимание на некоторую общность семантической структуры глаголов приобретения. Объект таких

* В другой терминологии: экспериментер [18] или Датив [8].

глаголов имеет как бы два посессора: один обладал предметом до приобретения, другой стал его обладателем после приобретения.

Например:

$\begin{array}{l} X \text{ купил } Z, \text{ принадлежащий } Y\text{-ку, для } W' \\ X \text{ взял } Z, \text{ принадлежащий } Y\text{-ку, для } W' \\ X \text{ украл } Z, \text{ принадлежащий } Y\text{-ку, для } W' \end{array} \left. \begin{array}{l} \text{объект } Z \text{ принад-} \\ \text{лежал } Y\text{-ку до} \\ \text{купли (кражи...)} \\ \text{и стал принадле-} \\ \text{жать } W \text{ после*.} \end{array} \right\}$

Произошла смена посессора, так как, в общем случае $Y \neq W$. При некоторых глаголах кореферентность Y -ка и W даже запрещается (например, при *купить, украдь*). Правда, ряд глаголов может описывать обе ситуации: $W=Y$ и $W \neq Y$, например, *поймать*:

Папа поймал мне козу: 1) *Папа поймал мою козу (которая убежала), $W=Y$* ('поймал мою козу для меня').

2) *Папа поймал мне (живую) козу, $W \neq Y$* ;

брать—взять: 1) *Вот вам номерок—вымните мне пальто, $W=Y$*

2) *Вымните мне, пожалуйста, 2 кг яблок, $W \neq Y$. Вымните мне, пожалуйста, эту книгу в библиотеке, $W \neq Y$* ;

искать—найти: 1) *Поищи мне тетрадку — не помню, куда положила $W=Y$*

2) *Будешь в центре — поищи мне зимние сапоги $W \neq Y$* .

Итак, глаголы приобретения кодируют ситуации типа: до приобретения $Z \notin Y$; факт приобретения Z -а X -ом; после приобретения $Z \in W$.

Всякий естественный язык, оформляющий посессора дательным падежом, должен в таких ситуациях выбирать, какого именно посессора кодировать дательным падежом: Y или W .

В русском языке в качестве такого посессора выбирается W^{**} : *Купил мне W книгу у букиниста Y* . На оформление Y дательным падежом накладывается запрет: недопустимо **Купил для меня (W) книгу букинисту (Y)*. По иному пути пошел, например, чешский язык — он также использует ДП, но дательным падежом в этом языке кодируется первоначальный посессор Y : *Ukradl mi kabát* 'Он украл у меня пальто/Он украл мое пальто',ср. неправильное русское предложение в том же значении: **Он украл мне пальто; Kdo mi vrazil onice?* 'Кто мои портняшки взял?',ср. русскую фразу в том же значении: **Кто мне портняшки взял?* То же в латинском языке для глаголов *adimo* 'отнимать', *eripio* 'похищать' и т. п. Ср., например, латинское: *Quis te mihi casus ademit?* 'Какое несчастье отняло тебя у меня?' — букв. 'отняло мя тебе'; *Tam bellum mihi passegem abstulit* — [Из Катулла]: 'Вы похитили у меня (букв. 'мне') прекрасного воробья'.

Замечательно, что в литовском языке дательным падежом может кодироваться как тот, так и другой посессор, что, вообще говоря, предложение *Kol žydas lupė ir valgė bulbes, Marcelė išfraukė jam iš kibiro vieną antra ir trečią silką* двусмысленно: оно может означать 1) 'Пока еврей чистил и ел картофелины, Марцелля вытащила у него (букв. ему) из ведра одну, вторую и третью селедку' и 2) '...вытащила для него одну, вторую и третью селедку'***.

* Заметим, что X — не посессор Z , а посредник между двумя посессорами Y и W , при этом X может быть кореферентен W , но не Y , ср. *купил для себя*, но* *купил у себя*.

** По-видимому, для русского языка в осуществлении «выбора» между двумя претендентами на оформление дательным падежом существенную роль сыграла безусловная заинтересованность W в ситуации приобретения. Заметим, что для Y заинтересованность маркирована далеко не всегда. Например, *купить у Y* — неясно, заинтересован ли Y в этом действии.

*** Чешские примеры цитируются по [3], литовские — по [19].

Следовательно, в русском и чешском языках при глаголах приобретения представлены две разновидности дательного посессивного: в чешском — дательный, кодирующий прежнего посессора Y , а в русском — дательный, кодирующий результатирующего посессора W .

Отметим здесь некоторую разницу между Y и W как посессорами Z . Если Y в ситуации приобретения выступает как исконный владелец Z , теряющий собственность, то W становится реальным посессором только после момента приобретения Z : Это *платье (Z) я ($X=W$) купила себе (W) у одной знакомой (Y)* = *Это свое платье я купила у одной знакомой*. До момента приобретения между Z и W нельзя установить посессивного отношения: поэтому недопустимо **Я куплю свое платье у одной знакомой*. В этом случае W выступает лишь как потенциальный посессор, который в русском языке также кодируется дательным падежом*: *Я куплю себе платье у одной знакомой*.

Итак, мы выявили существенное отличие обычного дательного посессивного от дательного посессивного при глаголах приобретения в русском языке: обычный дательный посессивный отражает реальные посессивные отношения, а дательный посессивный при глаголах приобретения — потенциальные.

Остается объяснить, почему глаголы приобретения в русском языке, допускающие дательный потенциальный посессивный, при подстановке в контексты с лексемой *рука* дают грамматически неправильные предложения:

Петя нашел ее руку в темноте — **Петя нашел ей руку в темноте*;

Петя взял ее руку в свою — **Петя взял ей руку в свою*.

Заметим, что:

1. В ситуации с лексемой *рука* для глаголов приобретения обязательно $Y \neq W$. В других случаях, таких, как *Петя нашел Васе шапку*, Y может быть кореферентен W ; например, если Вася ($Y=W$) потерял свою шапку и не мог найти ее сам. Очевидно, что такая ситуация невозможна, если Z = *рука* или другая часть тела, то есть, существительное со значением неотторжимой принадлежности***.

2. Как и при других глаголах приобретения, дательный падеж может кодировать только потенциального посессора, т. е. W .

3. С другой стороны, в предложениях с невыраженным обязательным посессором, этот посессор (а им может быть только Y и никогда не может быть W) должен восстанавливаться как кореферентный лексема, оформленной дательным беспредложным.

Таким образом, лексема в дательном падеже, содержащаяся в контрольном контексте (*ему* или *себе*), должна, согласно этим правилам, иметь два разных референта: Y и W . Такое противоречие решается в русском языке следующим правилом: в подобных конструкциях (с глаголами приобретения и невыраженным обязательным посессором) вообще невозможен поверхности дательный. При этом Y оформляется генитивом или посессивным местоимением, а актанту W может вообще быть поверхности не выражена, так как нормально в подобных ситуациях кореферентен подлежащему: *Петя нашел ее руку* (\approx для *себя*); *Петя взял руку* (\approx для *себя*).

* Если бы русский язык последовательно выражал дательным падежом только реально устанавливаемые посессивные отношения, то при глаголах приобретения возможность оформления дательным падежом посессора актанта зависела бы от времени глагола: при глаголах в прошедшем времени, отражающих ситуацию с уже сменившимся посессором, оформление дательным падежом допускалось бы, а при глаголах настоящего и будущего времени — не допускалось.

** Во фразе *Винни-Пух нашел ему (ослику) хвост хвост* явно отторжимая принадлежность.

В заключение обратим внимание на глагол *отнять*. В большинстве своих значений это типичный глагол приобретения (ср. *отобрать*, *украсть* и др.): 'X отнял Z, принадлежащий Y-ку, для W', где W=X.

Если подставить глагол *отнять* в контексты типа наших контрольных, где валентность прямого объекта заполняется не лексемой *рука*, а другими существительными со значением неотторжимой принадлежности (например, *брат*, *ребенок*), то полученные в результате предложения будут, как и ожидается, грамматически неправильными:

**Отнял сестре брата* (вместо: *Отнял у сестры брата*);

**Отнял матери ребенка* (вместо: *Отнял у матери ребенка*).

В случае, когда валентность прямого объекта заполняется лексемой со значением части тела, например, *рука*, глагол *отнять* выступает в другом значении: *отнять руку*≈*отрезать руку*. Это уже не глагол приобретения, так как факт совершения действия не влечет смену posessора объекта, ср. *Хирург отнял мне (у меня, мою) руку* (при этом хирург не становится посессором руки). Поэтому при подстановке глагола *отнять* в контекст, содержащий лексему *рука*, *отнять* будет вести себя как *отрезать*, *оторвать* и проч., а не как глагол приобретения, т. е. будет давать грамматически правильные предложения: *Петя отнял себе руку; Петя отнял ей руку*. То же для глагола *нащупать*, который перестает быть глаголом приобретения при заполнении места прямого объекта лексемой *пульс*. Ср.; **Он нащупал ей руку в темноте*, но: *нащупал ей пульс*.

Таким образом, во всех рассмотренных нами случаях запрет на употребление ДП, связан с семантико-сintаксическими свойствами глагола. Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале работы, мы можем сказать, что как для обязательного, так и для факультативного участника ситуации, описываемой глаголом, способ поверхностного оформления может зависеть от семантико-сintаксических характеристик этого глагола.

ЛИТЕРАТУРА

- Крысин Л. П. Опыт лексикографического описания группы однокоренных глаголов (*резать* и его префиксальные производные). Предварительные публикации проблемной группы экспериментальной и прикладной лингвистики. Ин-т русского языка АН, 1976, вып. 85, с.

- Кибрик А. Е. Опыт структурного описания архипелагского языка. Т—М.: МГУ, 1977.
- Зайчкова И. Дательный беспредложный в современном русском языке. Praha, 1977.
- Wierzbicka A. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar.—Studies in Language, 1979, N 3.3.
- Правдин А. Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. — Ученые записки Института славяноведения, 1956, 13.
- Правдин А. Б. К вопросу о выражении принадлежности в русском языке. — Труды историко-филологического факультета Тартуского государственного университета, 1957, вып. 51.
- Jacobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Cesambedeutungen der russischen Kasus.—Travaux du Cercle Linguistique du Prag 6, Prague, 1936.
- Fillmore Ch. The case for case. — in: Universals in linguistic theory./Ed. E. Bach, R. T. Harms. 1968.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. — Языки народов СССР, 5, Л.: Наука, 1968.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.
- McCawley James D. The role of semantics in grammar. — In: Universals in linguistic theory Ed. by E. Bach, R. T. Harms. N. Y., 1968.
- Ross J. R. On declarative semantics. — Reading in English transformational grammar, 1970.
- Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
- Weinreich U. Explorations in semantic theory. — In: Current trends in linguistics, III. Theoretical foundations. London—The Hague—Paris, 1966.
- Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973.
- Успенский Б. А. Структурная типология. — М.: Наука, 1965.
- Зализняк А. А. Краткий русско-французский учебный словарь. — М.: Русский язык, 1969. Соб.
- Чейф У. Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975.
- Эльсбутас Ю. В. Дательный падеж заинтересованного лица в современном русском и литовском языках. — Филологические науки, 1967, № 3.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 1981 г.